

Пейзаж нашей Родины немалым представляется без строительных лесов. Куда бы мы ни заглянули: в центральные ли области европейской части страны или в ее восточные районы — Сибирь, Дальний Восток, Приморье, в южные ли республики или в самые отдаленные северные местности, — повсюду мы увидим новостройки.

Рождаются новые и расширяются существующие города, поселки, села. Умножается количество заводов, фабрик, шахт, рудников. Плотины новых гидростанций прегарбают русла рек. Растут здания множества школ, клубов, больниц, домов отдыха. Сооружаются новые железнодорожные пути и шоссейные дороги.

И во всем этом — благородный, настойчивый, умелый труд строителя. Это их руками в шестой пятилетке будут построены кварталы для многих миллионов советских людей — 205 миллионов квадратных метров, что почти в два раза больше, чем получили мы жилой площади в прошлом пятилетии.

Этот их труд в первой половине нынешнего года строилось, расширялось и реконструировалось свыше трех с половиной тысяч крупных промышленных предприятий, и среди них — свыше тысячи только машиностроительных заводов! Это их руками воздвигаются на великих реках Сибири новые великие гидростанции, а вокруг них — новые города и промышленные центры.

Вот уже четвертое десятилетие, как самой массовой и одной из самых почетных должностей на советской земле является профессия строителя, труд которого делает нашу Отчизну еще более богатой и могучей, а жизнь нашу — еще более светлой, приятной, благоустроенной.

В знак благодарности и признания строителям за их благородный труд страна будет отныне ежегодно праздновать их День — День строителя. Завтра он будет отмечаться впервые. Этот день посвящается не только чествованию строителей, но и смотрю, подведению итогов их труда.

Чествуя их, страна знает и верит, что строители сделают все возможное, чтобы ускорить выполнение планов шестой пятилетки, будут строить еще быстрее, добротнее, экономичнее — на благо всех советских людей.

Молодость великой реки

ЭТО БЫЛО месяц назад. Поезд Москва — Красноярск пересек Баранские степи, приближаясь к сердцу Сибири — Новосибирску. На одной из станций я сел в вагон, и сразу охватило меня ностальгия, какой-то особенной теплоты и сердечности. В вагоне ехали комсомольцы — веселый, боевой народ. Ехали по призыву партии на Восток. Ехали впервые в Красноярск, на берега Енисея.

За окном пробегали дымчато-зеленые степи, береговые колки, сосновые перелески, голубые блинда озер. Режий гулок элетровоза подул в стай птиц. А в вагоне шла обычная жизнь: одни пели под басовитый напев баяна, другие читали. Унава, что я — старый красноярск, ребята тесной гурьбой обступили меня и наперебой начали задавать вопросы: «А холодные ли там зимы? Есть ли в тайге цветы? Большой ли город Красноярск? А как Енисей? Красив ли?»

И в который раз пришлось мне убедиться — до чего же еще живучи в Москве туманные представления о Сибири, как мало знает молодежь о нашем крае! Вина в этом прежде всего центральные издательства, которые неохотно, очень редко издают книги писателей-сибиряков. И начал рассказывать своим слушателям о Красноярске — городе с многовековой самобытной историей, с большими революционными традициями, рассказал о знаменитом заповеднике причудливых скал — «Столбах», о Енисее...

Енисей... Я видел его около Кызыла, там, где две реки — Бий-Хем и Ка-Хем, сливаясь, образуют Улу-Хем — «Великую реку». Здесь рождается Енисей. Здесь, голубой, тихий, он течет плавно. Ничто не прерывает ему путь. И видел его в большом пороге — самом страшном пороге на сибирских реках. Здесь, сжатый с двух сторон скалами, в узкой трубе мчится он со скоростью курьерского поезда, и сильный человек может свободно перекинуть через него камешек. Ведь ширина реки — всего лишь семьдесят-восемьдесят метров. С ревом, с неистовым гудом, весь в каскадах брызг и пены, мчится он, пробивая себе путь на север. Я видел его около Красноярска, когда медленно и величественно он несет на своих волнах пассажирские и буксирные теплоходы. Небо, тайга, скалы отражаются в его воде, и кажется он то зеленым, то синим. И я видел его в низовьях, в северных широтах, за Дудинкой, когда серый, свинцовый, он неистово шумит, обрушивается всей своей силой на берега, а ширину его такая неоглаженная, что и берега противоположного не увидишь. Недаром и зовут его в этих широтах «Братом океана».

Во всем этом я рассказывал своим молодым друзьям, ехавшим впервые в Сибирь, в Красноярск. И меня самого потянуло туда, властно потянуло на Енисей, к его людям.

И вот я снова на берегах родимой реки. Нынешний, удобный пассажирский теплоход «Тургенев» идет по направлению к Минусинску. Снова вижу знаменитый Шаланга бык — громадный гранитный утес, на голый вершине которого каким-то чудом прижались сосенки. Властно вается он в реку. И река, как бы удивляясь мощи и силе утеса, покорно обходит его. А вот и Манский бык, а вот и Мана, родничково-чистая таежная река, о которой еще много лет назад так вдохновенно написал поэт-сибиряк Кручинин:

Недаром красавица Мана, Прорваншись из леса и гор, Припала к труди великана, Забыла свободу, простор.

«Сейчас будет Скит», — вспомнилось людское воображение своей живописностью, когда-то бывал в восточной. На левом берегу должна стоять скала «Монах», направо — маленькая деревушка с десятком изб. Раньше, в давние годы, здесь был мужской монастырь, стояли две церкви. Отсюда и название деревушки — Скит.

Теплоход круто повернул влево, и нашим глазам открылся новый поселок, раскинувшийся у самой реки. Гостеприимно возвышалась на берегу вкопанная деревянная арка, выдвигаясь двухэтажные дома, а вдоль берега цепочкой, друг за другом тянулись новенькие, желтые, как цыплята, сосновые домики.

НА ПЕРЕКОР ДОЖДАМ

Письмо из Ставрополя
Дожди мешали уборке: затяжные, холодные, они мочили валки скошенной хлеба. Мрачные комбайнеры останавливали машины: влажная масса не проходила в молотилку. И даже лафетные жатки, которые, подобно огромным кузнечикам, строчат шли по мокрым полям, замирали...

Неприятно застигло старополявцев врасплох: здесь привыкли к шедеру, горячему южному солнцу, а оно вало да и ушло надолго за темные, тяжелые грозовые облака. Поначалу кое-кто растерялся. «Дожди... Что ж делать... Стихия...». Но тут же раздался упрямый, твердый голос:

«А как же там, где дожди постоянно? Убирают? Убирают! Так неужто мы струсим, отстаним дождя ненастья?.. Всего один день выдался солнечный в Воронежско-Александровском районе, один день за полторы декады! Впервые попала я в Воронежско-Александровский МТС как раз в то время, когда принесли газеты с отчетом о совещании работников сельского хозяйства Урала. Секретарь райкома партии по зоне Афанасий Леонтьевич Ведмих сказал раздумчиво:

«Нашим опытом заинтересовались на этом совещании. А ведь он невелик и нас, опытно. Разве только что подготовились мы работать в любую погоду, это правда... Перед началом уборки в село Воронежско-Александровское приехали гости отсюда: со Смоленщины, с Урала, из Ростовы и даже с Алтая — своими глазами поглядеть на лафетные жатки, поучиться у воронцовских механизаторов раздельной уборке хлебов.

И хозяйева и гости — комбайнеры, трактористы учились собирать лафеты. Новые агрегаты шли хорошо. Но ведь пона под жаткой была трава, — хлеба еще не созрели. А как будут работать комбайны с подборщиками: как они поджигают и обмолачивают сношенные лафетными жатками хлеб? Как и всякому новшество, кое-где раздельному способу уборки сопротивлялись. Председатели колхозов, бригадиры, да и сами комбайнеры осторожно приглядывались к лафетной жатке. Как она поведет себя в поле? Одно дело трава, другое — пшеница!

Хлеб совсем созрел. Прямое комбайнирование вроде удобнее на нашем поле... осторожно начал разговор с директором МТС иной колхозный бригадир. Тогда молодой директор Михаил Николаевич Варшавский сердито возразил:

«Да ведь ты еще вчера согласен был...»
«То вчера, — уклончиво отвечал бригадир, — а нынче дошел хлеб, пропадет же зерно в валках...»
Трудно было преодолеть эти настроения. Но они были преодолены.

Не глядя на мелкий дождь, пустили в ход все лафетные жатки. Налетевшая буря с градом ударила многих в том, что главное — быстрее скосить хлеб, что опасно оставлять его на юрню, ждать, пока созреет, чтобы убирать комбайном. Валки буря лишь переметала в беспорядочные вороха, но зерно осталось целым. А на тех немногих участках, где хлеб еще был не скошен, град обомолол зерно.

Уговаривала я бригадиров, а в душе тревожилась, признаваясь мне председателю колхоза имени Булгакина Александра Нестеренко, — ведь так у нас никогда не убрали. Я молодой председатель, тридцатипятилетний. Погублю хлеб, не простят мне колхозники. А теперь на душе полегало: люди сами поняли, что такое лафеты, требуют их на свои поля.

Почти то же услышала я и от бывшего, опытного хлебороба — председателя колхоза имени Кагановича соседнего Благодарненского района Никиты Петровича Перевезева.

Скромнее, но больше

Выступая недавно в Москве на собрании строителей, товарищ Н. С. Хрущев предложил в целях ускорения строительства жилья и быстрого удовлетворения нуждающихся подышать так: если на какое-то время строить более скромные квартиры, не сколько штук их высоту, то можно было бы получить на 10—15 процентов жилой площади больше, получив при этом качество строительства и, особенно, качество отделки.

Накануне Дня строителя «Литературная газета» обратилась к ряду архитекторов и строителей с просьбой высказать свое мнение по этому вопросу. Ниже публикуем полученные нами ответы.

Прямая выгода

Стандартная высота квартир, в которых мы живем, равна 3 метрам. Ее безболезненно можно понизить, например, на 30 сантиметров.

В ряде стран, да и у нас есть немало жилищ с «низкими» потолками. При этом расположении окон, электрического освещения и введения других образцов мебели жильцы даже не замечают, насколько снизилась высота.

По подсчетам архитектурной мастерской, которой я руковожу в институте Моспроект, снижение высоты квартир на 30 сантиметров дает возможность, не уменьшая интерес жильцов, значительно понизить стоимость строительства и увеличить количество квартир. Причем, при строительстве трех- и четырехэтажных жилых зданий отпадает необходимость в подвале, лифтах и т. д.

Думаю, что большую роль сыграет и строительство малоэтажных квартир — на одну семью. Такие дома мы будем воздвигать в юго-западном районе столицы, что значительно увеличит количество квартир.

В этих квартирах нужна будет мебель новых габаритов. Надо также отказаться, в частности, от абжуров и переходить на плафонное освещение.

Самый главный аргумент за понижение потолков — это возможность получить дополнительную жилплощадь без особых затрат и предоставить каждой семье отдельную квартиру.

Архитектор Б. МЕЗЕНЦЕВ
МОСКВА

В. КАМЕНСКИЙ, главный архитектор Ленинграда

Еще 700 комнат

Предложение товарища Хрущева о строительстве квартир меньшей высоты, чем это принято у нас, с тем, чтобы дать советским людям больше новой жилья, вызвало огромный интерес у строителей.

В прошлом году во время поездки в США и во Францию мы видели новые жилые здания, в которых высота квартир не превышала 2,7 метра. В настоящее время такая высота является почти общепринятой.

Если мы откажемся от установившейся нормы, это даст большую экономию и позволит построить дополнительно значительное количество домов. Ведь в каждом пятиэтажном здании мы сэкономим тогда почти этаж.

В нынешнем году наша организация строит в Киеве более 70 многоэтажных жилых домов. Если бы мы решили сократить в них высоту квартир, то могли бы дополнительно дать киевлянам около 700 комнат.

При переходе на новые нормы нужно о многом подумать (о стальных шкафах, об особенностях мебели и т. д.). И особенно — о качестве строительства, отделке помещений. Очень важно и более рационально решить вопрос проветривания жилых помещений; долготы вентиляционных каналов и удобной пользования. В новых квартирах совершенно излишни розетки на потолках, карнизы. Со вкусом надо делать покраску помещений — светлый полотно при более темных стенах всегда кажется выше.

Уже сейчас можно сказать, что положительное решение этого вопроса сыграет большую роль в борьбе за обеспечение жильем всех нуждающихся.

Н. ЛЫСЕНКО, начальник «Главинстрой» КИЕВ

Кашмир ЛИСОВСКИЙ

Широко и привольно звучит эта песня над великой сибирской рекой. И кажется: впервые слышат ее здесь, в этих местах, дроздовые скалы, безбрежная тайга... Эту песню поют новоселы, поет юность, слышавшая по звуку партии, по велению своего сердца зова на Енисей, чтобы строить величайшую в мире Красноярскую ГЭС.

Енисей... Как неузнаваемо ожил, изменился его берега за эти годы! Кто, например, слышал несколько лет назад о маленькой сибирской деревушке Алакалово, находящейся недалеко от города Енисейска? А сейчас сюда на Ачинска идут, прокладывая трассу новой железной дороги, изыскатели Сибгипротранса.

Уже третий год ведут здесь топографы и геодезисты съемку рельефа местности. По глухой тайге, где нет ни дорог, ни троп, через заросли и болота они пробивают себе путь.

Третий год изучают своеобразный «характер» Енисея гидрологи. Особенно интересуют гидрологов поведение Енисея во время весенних паводков. Путем определения густоты льдохода они устанавливают силу льда, объем льда, их максимальную мощность. Все это необходимо знать, выбирая ложе для будущей плотины Енисейской ГЭС.

Енисейская ГЭС... О ней ничего не сказано в плане шестой пятилетки. Ее величественные контуры еще не лежали на строительном кальку. Но ради нее уже третий год трудятся здесь разведчики великой реки, смеялые люди экспедиции.

И в таежных дебрях, меж стволов высоких сосен, в густых зарослях папоротников поднимаются копы свавиды колонок бурения. Буровые снаряды врываются в землю, глубоко уходят в скальный грунт.

Вместе с главным геологом экспедиции Александром Андреевичем Захаревым мы направляемся к одной из них. Александр Андреевич знакомит меня со смежным мастером Александром Григорьевичем Вдовиным, лучшим буряльщиком экспедиции.

Вдовин показывает нам свой агрегат. В промашенной куртке, в кепке, он выгибает значительно моложе своих тридцати лет, хотя за его плечами годы и годы работы. Сейчас в его бригаде двое — он и жена Антонина Андреевна. Вдвоем они и бурят здесь.

В этот день молодой мастер снова значительно перевыполнил норму. Вместо 43 сантиметров глубины проходки, установленной за смену, его буровой снаряд на целый метр вошел в грунт. А грунт здесь очень трудный: скальный, твердый породы. Вдвинулся наклонился и поднимается с земли обточенный круглый столбик порою — керн, подает его Захареву. Тот внимательно разглядывает его и говорит, обращаясь к геологу партии Алексею Александровичу Боброву:

«Гнейс. Чистый гнейс!»
«Уже который месяц бурю, — жалуются Вдовин, — и все скала да скала.»
«Вот и хорошо! — усмехается Захарев. — У будущей плотины будет прочное, надежное ложе. Прочный фундамент!»

В этом году экспедиция закончит работы, связанные с энергетическим использованием среднего течения Енисея.

Но люди экспедиции попутно решили еще один сложный и важный вопрос: возможность переброски части стока воды из Енисея в Обь. В свое время инженером Давыдовым была выдвинута идея соединения Енисея с Обью через водораздел рек Кас (левый приток Енисея) — Кеть (правый приток Оби). Этот вариант был бы возможен только лишь при создании высоконапорной плотины в районе Осиновского порога, а это повлекло бы за собой затопление громадных лесных массивов. Поэтому экспедиция параллельно рассмотрела второй вариант возможной переброски воды из Енисея в Обь, который бурят несравненно экономичнее.

М. Шаманова и Н. Озолин на открытии легкоатлетических соревнований. Фото С. Борисова

СПАРТАКАДА НАРОДОВ СССР

Радости и огорчения

Мальчугана, кубарем скатывающегося с парадной лестницы малой спортивной арены, болельщики озабочили вопросом: — Ну, как там? — Мальчуган ответил столь же кратко: — Вася выиграл.

И всем стало ясно, что под Васей он подразумевал мужскую баскетбольную команду Казахстана, в составе которой играет Вася (он же Вася) Ахтаев — самый рослый участник баскетбольного турнира Спартакиады, а может быть (спартанские статистики на этот счет неизвестны), и вообще самый высокий человек в стране. Когда Ахтаев впервые появился в Москве, он был не так уж «допозволя» — каких-нибудь 2 м 14 см, но за последние годы подрос еще на 15—16 см. Я не называю точной цифры; сам Ахтаев утверждает, что его рост равняется сейчас 2 м 29 см, а в газетах появились цифры 2 м 30 см и даже 2 м 32 см. Впрочем, в этом случае

один-два сантиметра особой роли не играют.

Понски высокорослых баскетболистов начался у нас после встречи с американской командой на XV Олимпийских играх. Правда, и тогда авторитеты заявляли, что высокий рост американских баскетболистов далеко не единственная причина их побед — американцы отличались еще и высокой точностью попаданий. Во всяком случае, рост баскетболистов имеет важное значение — по этому вопросу споры не было.

Сейчас, кроме Ахтаева, в турнире Спартакиады участвуют и другие высокорослые игроки: латыш Я. Круминьш, прозванный на площадках Южной Америки «русским Голаубом» (его рост 2 м 18 см), 17-летний бакинчанин А. Петров (2 м 07 см), ростовчанин В. Зубов (2 м 04 см). Дело специалистов судить, в какой степени и в какой пропорции (по отношению к другим игрокам команды) надо использовать

таких баскетбольных великанов. Но факт остается фактом: и Ахтаев и Круминьш приносят своим командам наибольшее количество очков.

Вчера баскетболисты закончили предварительные игры и после одностороннего отдыха вновь, как говорится, приступают к исполнению своих обязанностей.

Легкую атлетику у нас обычно называют основным, ведущим видом спорта. Что скрывается за этим определением? Сегодня нельзя представить себе первоклассного футболиста, не обладающего скоростью спринтера и выносливостью стайера, как нельзя представить себе баскетболиста и волейболиста, не умеющих высоко прыгать. Легкая атлетика — составная, а порой и решающий элемент таких видов спорта, как современное пятиборье, фехтование, бокс...

«Сегодня в девять часов утра скрестят свои шпаги пятиборцы, часом позже то же сделают фехтовальщики на рапирах, примутся за тренировку прыжков мяча теннисисты, поплывут на самую длинную дистанцию — 1500 метров — водные маршалофонцы, выведут своих лошадей конники, пролетят воздух колья метатели, займут места на линии огня стрелки. В 11 часов выйдут на ковер борцы, в полдень на ринге раздадутся первые удары гонга, в час наступит соревнования гимнасты, в пять — гребцы, в семь — велосипедисты.

И. БАРУ

КУПЛЕННОЕ ПРАВО

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН

Из любви к читателю...

В небольшом кабинете заведующего отделом культуры Сухумского райисполкома сидят двое. За столом — сам заведующий Гогуа, в шелковой рубашке с широко распахнутым воротом, напротив него — держа ногу на отлете, тонкий и изящный молодой человек с приятно вьющимися волосами. Беседа, по-видимому, идет давно, поскольку оба уже называют друг друга не иначе, как «дорогой».

Разговор — о книгах, а о книгах, как известно, можно говорить без конца.

Молодой человек является агентом по распространению книг, приехавшим из Тбилиси.

— Имею честь предложить вам интересные новинки.

Гогуа кивает головой, но выводит это у него как-то вяло и апатично.

— Утомился, дорогой? Понимаю: жара, пошная влажность... Я могу взглянуть в другой раз, у меня ведь есть и другие дела в Сухуми...

Заведующий вздрагивает и делает протестующий жест. Разговор начал, и нужно его оканчивать.

— Извольте, соглашается молодой тонким и переходит на академический тон: — Кто станет возражать, что сейчас, как никогда ранее, назрела необходимость в обмене и научных выисках с низкими практиками. Посмотрите вокруг...

— Давайте перекурить, — устало вздыхает Гогуа. — Что у вас там?

Молодой человек заметно оживляется. С неярким выиском науки разговор спускается в долины трезвой практики.

— Вот, пожалуйста, произведение интересное и поучительное, — говорит представитель издательства. — С иллюстрациями. Если интересуются названием, пожалуйста: «Государственные карточки Грузии».

— Какие, какие? — переспрашивает заведующий.

— Государственные, дорогой, — выисково-точно говорит молодой человек, — вшударственные...

Гогуа конфузится и замолкает. Молодой человек продолжает свою работу:

— Природные богатства нашей республики прекрасно отражены в «Трудах геологического института» Академии наук Грузинской ССР. Вашему району предлагается том девятый «Трудов». Если же том девятый вас не устраивает, можем предложить десятый. Но заранее предупреждаем: в него включены труды другого института. Впрочем, издательство, не беспокоясь, одно — академическое...

Гогуа издает неопределенный горловой звук, который агент истолковывает самым лучшим образом.

— Отлично, значит, берем оба, девятый и десятый! По десять экземпляров. Далее. Предлагаю объемистый увлекательный труд П. В. Терентьева. Как называется? Очень популярная «Лягушка». Солидная, фундаментальная книга...

В сельхозартеле «Червоный лан» Красноградского района, Харьковской области, хорошо поставлено культурно-бытовое обслуживание механизаторов. На полево-машине оборудована столовая, имеется красный уголок, сюда регулярно доставляются письма, журналы и газеты. На снимке: почтальон Полина Кривокоб привезла на полево-машине очередную почту.

Александр ПРОКОФЬЕВ

На белорусские мотивы

1. ЛЯВОНИХА

Вперед-назад по лесенке
Легко ходила песенка.

Как ходила да похаживала,
Да к себе гостей пригививала.

Ой, вы гости, вы гости,
Родня,
Не покиньте, не бросьте
Меня.

У меня для вас раскрыты ворота,
У меня изба никем не занята.

У меня в избе накрыты столы,
Желтой охрою покрашены полы.

И по ним хоть скатный жемчуг
мечи,
Хоть серебряной подковкой стучи.

Там Лявоня уже отведал сластей,
Дробно пляшет, не дожидаясь
гостей.

Сам играет, сам танцует и поет
И Лявонику за ручку ведет.

А еще в избе играют дудари...
То, что знаешь, — никому не говори!

2. ТО ЛЕТЕЛИ ГУСИ...

Ой, летели птицы
Длинной вереницей,
То летели гуси
К милой Беларусии.

Над водой летели,
Над весенней, ярой,
Отдохнуть присели
На озере Нарочь.

Где они сядились —
Волны не сердились,
Где они прошались —
Лишь легко качались.

Где они простались —
Волны не сходились,
Где они взлетали —
Только рокотали!

1. Председателю крупной Киевской артели Сандлеру не удалось устроить свою дочь Аллу в Киевскую консерваторию. И когда прониравший молодой делец Саложников предложил Сандлеру «организовать» поступление Аллы в Львовскую консерваторию, заблаговременно охотно согласился. Получив от Сандлера две тысячи рублей аванса (а всего обусловлено было одиннадцать тысяч), Саложников отправился во Львов. Следом за ним на самолете вылетела Алла: до начала экзаменов оставалось несколько дней. События разворачивались стремительно.

После того, как Саложников вручил заведующему кафедрой Львовской консерватории Карпатскому тысячу рублей, Алла поступила в вступительным экзаменам, хотя у нее на руках не было необходимого документа. Соответствующим образом было обеспечено и получение Аллой нужного количества баллов на экзаменах.

Алла Сандлер принята. Радостный родитель вручает Саложникову с благодарностью солидный остаток обусловленной суммы, а Саложников, между тем, уже в Киеве «протаскивает» в Заочный институт инженеров железнодорожного транспорта Евгения Зубок и Геню Бейн. Тут его помощником оказывается бывший учитель Погоненко. Перед дедами довольно трудная задача: в этот институт принимают только тех, кто работает на железной дороге, а обе девушки не имели и не имеют к транспорту никакого отношения. Первый шаг — сфабриковать подложные справки. Справки фабрикуются. Следующая преграда — конкурс. В ход пускаются средства, полученные Погоненко от родителей девушек: он вручает пять тысяч рублей и отрез на костюм начальнику Киевского учебно-консультационного пункта института Кириллову. Сделка происходит на квартире Кириллова. Саложников, пойманный с поличным, вынужден сознаться и раскрывает полочку этих грязных историй.

Казалось бы, дальнейшее совершенно ясно: преступники уличены и понесут заслуженную кару. Но Киевский областной суд, слушавший это возмутительное дело, проявил непонятное милосердие. Саложников, родители Зубок и Бейн, Погоненко, Карпатский признаны. (Карпатский, правда, заявив, что полученную от Саложникова тысячу рублей он затем вернул ему). Сандлер категорически отрицал все и даже заявил, что он не знает Саложникова. Отрицал все и Кириллов. На судебном заседании Погоненко неожиданно заявил, что во время следствия его показания, вероятно, были неправильно записаны, а он, не надев очки, не заметил этого и подписал протокол. Чего же не заметил Погоненко? Оказывается, он, по его новому заявлению, вручил деньги и отрез не самому Кириллову (которого, мол, и не было дома), а его старой матери. Подтвердил это тогда бы, конечно, мать Кириллова, если бы она не умерла...

В каждом годе школы нашей страны выпускают все больше и больше молодых людей с законченным средним образованием. Перед ними открыты двери вузов, на них огромный спрос в промышленности и в новейших средствах производства, в социалистическом сельском хозяйстве, все более и более обогащаемом сложными машинами и механизмами.

Конечно, если не всем, то большинству родителей хотелось бы, чтобы их дети не ограничивались средним образованием, а получили бы и высшее. Это — естественное желание, и Советское государство делает все для его удовлетворения, расширяя сеть вузов, развивая заочное образование. Но далеко не всегда оправданно стремление многих папаш и мамаш «приспосаивать» своего сына или дочь в вуз любой ценой и непременно сразу же по окончании средней школы. Как часто случается при этом, что истинные интересы, связанные с будущим вчерашнего школьника, отходят на второй план. Ведь если сын или дочь не обнаруживают явных способностей в той или иной науке, если сами они еще не сумели определить свое призвание, то «проталкивание» их в высшее учебное заведение рано или поздно ведет к печальным результатам. И насколько правдивый в таком случае получить поначалу определенную квалификацию в промышленности или сельском хозяйстве, определить свое место в жизни, стать вдумчивым рабочим или техником, возможно, новатором в своей области, полноценным участником строительства новой жизни. Перед человеком, овладевшим специальностью и ищущим в ней свое призвание, всегда открыт путь к высшему образованию, но не случайный, как раньше, а обоснованный, прямой, надежный.

В высшие учебные заведения должны идти молодые люди, у которых найдено несомненно гонимые для научной работы, инженерно-изобретательской деятельности, изучения гуманитарных наук, для развития своих способностей в области литературы и искусства. Такой отбор неизбежен и вполне естествен, и здесь есть над чем поразмыслить и родителям и их детям, выпускникам средних школ.

Но мы говорили до сих пор о пути честного соревнования, всегда трудного и ответственного.

Каждому же словами надо говорить о тех, кто бесцельно и пошло вносит в такое соревнование жульничество, подкуп, мажор, лишним рублем оплачивает место, которое по праву принадлежит достойнейшему?

Каждому же словами говорить о тех, кто торгует своей совестью, развращает молодежь, компрометирует самый принцип соревнования, выталкивает за дверь высшего учебного заведения действительно способных юношей и девушек?

Карпатский, сознавший в получении взятки, пропел лишь как свидетель. Кириллов был вообще оправдан. Саложников получил два года лишения свободы. Престарелый Погоненко — год лишения свободы, Сандлер, полностью уличенный, — год исправительно-трудовых работ по месту службы (практически это означает всего-навсего удержание в течение года 25 процентов ставки)...

На разговорном языке это называется отелаться легким испугом!

2. Дело, суть которого мы здесь изложили, заслуживает особого внимания, тем более, что за последние время подобного рода истории повторяются.

Вл. ВЛАДКО, специальный корреспондент «Литературной Газеты»

С каждым годе школы нашей страны выпускают все больше и больше молодых людей с законченным средним образованием. Перед ними открыты двери вузов, на них огромный спрос в промышленности и в новейших средствах производства, в социалистическом сельском хозяйстве, все более и более обогащаемом сложными машинами и механизмами.

Конечно, если не всем, то большинству родителей хотелось бы, чтобы их дети не ограничивались средним образованием, а получили бы и высшее. Это — естественное желание, и Советское государство делает все для его удовлетворения, расширяя сеть вузов, развивая заочное образование. Но далеко не всегда оправданно стремление многих папаш и мамаш «приспосаивать» своего сына или дочь в вуз любой ценой и непременно сразу же по окончании средней школы. Как часто случается при этом, что истинные интересы, связанные с будущим вчерашнего школьника, отходят на второй план. Ведь если сын или дочь не обнаруживают явных способностей в той или иной науке, если сами они еще не сумели определить свое призвание, то «проталкивание» их в высшее учебное заведение рано или поздно ведет к печальным результатам. И насколько правдивый в таком случае получить поначалу определенную квалификацию в промышленности или сельском хозяйстве, определить свое место в жизни, стать вдумчивым рабочим или техником, возможно, новатором в своей области, полноценным участником строительства новой жизни. Перед человеком, овладевшим специальностью и ищущим в ней свое призвание, всегда открыт путь к высшему образованию, но не случайный, как раньше, а обоснованный, прямой, надежный.

В высшие учебные заведения должны идти молодые люди, у которых найдено несомненно гонимые для научной работы, инженерно-изобретательской деятельности, изучения гуманитарных наук, для развития своих способностей в области литературы и искусства. Такой отбор неизбежен и вполне естествен, и здесь есть над чем поразмыслить и родителям и их детям, выпускникам средних школ.

Но мы говорили до сих пор о пути честного соревнования, всегда трудного и ответственного.

Каждому же словами надо говорить о тех, кто бесцельно и пошло вносит в такое соревнование жульничество, подкуп, мажор, лишним рублем оплачивает место, которое по праву принадлежит достойнейшему?

Каждому же словами говорить о тех, кто торгует своей совестью, развращает молодежь, компрометирует самый принцип соревнования, выталкивает за дверь высшего учебного заведения действительно способных юношей и девушек?

Карпатский, сознавший в получении взятки, пропел лишь как свидетель. Кириллов был вообще оправдан. Саложников получил два года лишения свободы. Престарелый Погоненко — год лишения свободы, Сандлер, полностью уличенный, — год исправительно-трудовых работ по месту службы (практически это означает всего-навсего удержание в течение года 25 процентов ставки)...

На разговорном языке это называется отелаться легким испугом!

«Бориславские рассказы» на белорусском языке

МИНСК (Наш корр.). К столетию со дня рождения Ивана Франко Госзнадт Белоруссии выпускает книгу его рассказов. Это первый сборник произведений И. Франко на белорусском языке.

Рассказы перевел писатель И. Шарокович. В основе книги — известный цикл «Бориславских рассказов».

людей единицы. Но преступная деятельность взяточника является настолько вредной и разлагающей, что каждый отдельный случай взятки должен быть самым жестоким общественным презрением, не говоря уже о самом суровом уголовном наказании виновных.

3. Нет оснований говорить, что советский суд снисходительно относится к тем, кто торгует местами в вузах. Нет, чаще всего он строго карает преступников, и его справедливые решения вызывают полное одобрение общественности.

Преподователь Львовского мединститута Кириллов, получивший взятку в восемь тысяч рублей, осужден на шесть лет лишения свободы. Преподователь Львовского сельскохозяйственного института взяточник Устинов получил два года лишения свободы и т. д.

Тем большее недоумение вызывает приведенное нами решение Киевского областного суда по делу Саложникова, Сандлера, Кириллова, Погоненко, Карпатского. Такие мягкотелые решения не могут не вызвать возражений. Но в данном случае нам хочется говорить не столько об уголовной стороне дела, сколько об общественной.

Как реагировал коллектив артели, председателем которой является Сандлер, на это вопиющее дело? Судите сами. Парторганизация уже в ходе следствия дала Сандлеру блестящую характеристику, по смыслу которой он заслуживает, право же, самых высоких наград. Но вот на суде установлено, что Сандлер да взятку. Может быть, после этого парторганизация обсудила вопрос о партийности Сандлера, приняла неопорно вытекающее из дела строгое решение? Отнюдь нет! Партийная организация тихо и мирно выслала Сандлера выговор без взыскания в личное дело.

А как реагировал коллектив, где работает Кириллов? Об этом ничего не слышно. То же самое приходится сказать и о Львовской консерватории, где работает Карпатский.

Киевский геологический техникум Министерства геологии и охраны недр СССР имеет право посылать непосредственно в высшие учебные заведения ежегодно пять своих лучших выпускников. И вот в очередном списке оказалось всего четыре лучших ученика. Пятое место осталось свободным — лишь для того, чтобы потом в этот список был втиснутым внесен некто Фуксан, не имевший никаких оснований на льготы. Подлог был раскрыт, с работы сняли инспектора по кадрам Кузнецову. А реакция общественности? Никакой, хотя, очевидно, здесь следовало бы призвать к ответственности в техникуме, при которой возможны такие подлоги.

Секретарь приемной комиссии горного факультета Киевского политехнического института Логовская получила три тысячи рублей — взятку за то, чтобы «обеспечить баллами» при вступительных экзаменах одну абитуриентку. Логовская была разоблачена. Что ж, заинтересовалась общественность института деятельностью Логовской, послужил этот случай сигналом для того, чтобы выиснить, какова вообще атмосфера на вступительных экзаменах на горном факультете, какова во всем этом роль некоторых преподавателей, декана факультета? Нет, этого сделано не было.

Между тем совершенно очевидно, что, оставаясь за судом его функции по официальному разбору фактов злоупотреблений и взяточничества при приеме в высшие учебные заведения, оживляя от суда сурового наказания людей, занимающихся подобными делами, мы должны решительно поощрять искоренение подобных случаев и не допускать даже их единичного повторения.

Картины присланы из Франции

Еще совсем недавно в залах Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина мы любовались сокровищами, оставленными нам Рембрандтом. А через несколько дней мы увидим здесь лучшие полотна французских мастеров прошлого века. 91 картина доставлена для этой выставки из различных музеев Франции, в том числе из ее знаменитого хранилища — Лувра.

— Что же увидят москвичи и ленинградцы? — этот вопрос мы задали руководителю находящейся в Москве группы представителей французских музеев г-ну Ан Ог.

— Мы выбрали для предстоящей выставки, — ответил г-н Ан Ог, — наиболее интересные произведения, способные заинтересовать советских посетителей. Кроме широко известных картин, мы покажем и работы художников, которые ныне менее известны или, точнее, менее модны во Франции, но которые своей реалистической манерой письма способны возбудить интерес советского человека. Вся экспозиция очень велика. Скажу только, что она возглавляется картиной Делакруа «Свобода на баррикадах» — огромным полотном размером 3X4 метра. Широко представлен будет на выставке Давид и его школа (Гро, Жарр), затем Курбе, Милле, Домье, представители так называемой Барбизонской школы Теодор Руссо, Дюпре, Трофон, пейзажисты, художники доминантности и импрессионисты.

— Какие музеи предоставили для этой выставки свои сокровища?

— Почти все ведущие музеи Франции, начиная с Лувра и Музея изящных искусств в Париже и кончая музеями Страсбурга, Монпелье, Лиона, Руана, Монтбана и других городов.

— Какое значение придаете вы предстоящей выставке?

— Разумеется, большое. Каждую выставку, предназначенную для зрителей, мы составляем по-разному. Мы старались выбрать для Москвы и Ленинграда такие полотна, которые способны заинтересовать посетителей выставки в этих городах. «Надеемся, что наш выисковщик одобрит». В Москве выставка будет открыта до 1 октября, а в Ленинграде — весь октябрь.

Глубоко знать то, о чем пишешь

Любой труд — учебного, инженерного, рабочего, хлебороба, животноводства — требует сейчас от человека немалых знаний, навыков, мастерства. Наши люди изменились, новым стало их отношение к работе. Начнешь, к примеру, беседовать с животноводом на горных пастбищах, непременно услышишь, как они критикуют старые методы выращивания и содержания скота. Они говорят и о том, как использовать пастбища, и о том, что надо сделать, чтобы улучшить породистость скота, и вообще о том, как понять наше животноводство.

Люди труда в нашей стране — не простые исполнители. Каждый из них хочет быть мастером своего дела, энтузиастом, ратующим за лучшее, передовое. Дела, понятия, мировоззрение — все у таких людей ново и масштабно. Нельзя, конечно, сказать, что у всех, кто живет и работает в нашей стране, светлы мысли и прекрасны деяния. Встречаем мы и людей с узкими, а порой и чуждыми нашему строю взглядами на жизнь — накопителей, карьеристов, индивидуалистов, эгоистов. У нас идет нечастый спор между людьми разных мнений, а принципальная, острая борьба против всего, что мешает нашей жизни, ее развитию.

Мы, писатели, должны по-настоящему глубоко понимать эту борьбу, иначе мы не сможем создать подлинно художественные образы своих современников. Мы обязаны всегда и везде помнить, какому великому делу служит наша советская литература, чьи чаяния она призвана воплощать. В сердце каждого из нас должны быть запечатлены слова, которые сказаны нам партия, слова, выражающие то, что было на душе у нас, писателей, что волновало нас и заставляло испытывать огромную ответственность за наше трудное дело: «Сила советской литературы, самой передовой литературы в мире, состоит в том, что она является литературой, у которой нет и не может быть других интересов, кроме интересов народа, интересов государства. Задача советской литературы состоит в том, чтобы помочь государству правильно воспитать молодежь, ответить на ее вопросы, воспитать новое поколение бойким, верным в свое дело, не боящимся препятствий, готовым преодолеть всякие препятствия». Как верно это определяет наша, писательские задачи!

Интересы советского народа, которому наша литература служит, выражаются прежде всего в утверждении нового, коммунистического. А новое укрепляется в борьбе со старым, отживающим, чуждым нашей морали. Тут надо помнить, что, когда новое и старое непримиримо борются между собой, вполне закономерны неожиданные и острые ситуации, столкновения, сложные и противоречивые характеры людей. Какую бы тему и форму произведения писатель ни выбрал, на первом плане всегда должен стоять человек во всем многообразии его черт — и положительных, ведущих его к хорошему, и отрицательных, толкающих его к плохому. Все дело в том, что у одних бывает положительный характер больше, у других, наоборот, их меньше. Они быстро замечают и исправляют свои недостатки, другие замечают их не скоро, набавляются от них с большим трудом. Мы знаем из самой жизни, что каким бы героем ни был человек, у него могут быть минуты слабости, чувства боязни, и каким бы талантливым ни был руководитель, у него тоже могут быть ошибки.

Чтобы сказанное не показалось слишком общим, приведу хотя бы следующий пример. Недавно мне довелось познакомиться с одним председателем колхоза. Нет слов, он хорошо разбирается в хозяйственных делах. Руководимое им хозяйство — на подъеме. По сравнению с прошлыми годами повысились доходы артели. Председатель колхоза на районном совещании похвалялся; когда мы впервые встретились с ним, настроение у него было приподнятое. Но даже при этой первой встрече показалось он мне человеком несколько чванливым, грубоватым. А когда я узнал его ближе, то наряду с положительными качествами его отрицательные черты стали мне все более ясны. Этот председатель, несомненно, наш, советский человек. За хорошее и против плохого в нем необходимо бороться. И

если бы он встретил в какой-то книге образ подобного себе человека, это, наверное, заставило бы его задуматься над своими недостатками.

Мы встречаем, порой совершенно неожиданно для себя, в жизни и другое — драгоценные для нас черты характера, интереснейшие поступки. Вот еще один случай. Направляясь к животноводам, находившимся на сыртах (высокогорных пастбищах), я увидел на безлюдном перевале одинокого старика, уброяющего с лорги камни, которые мешали движению. Я подумал, что это дорожный рабочий. Но он оказался животноводом. На мой вопрос: «Зачем это вы камни собираете?», он ответил: «Э-э, сынок, ведь дорога наша. По ней проезжают колхозные и государственные машины. И эти камни будут мешать им». Писатель должен замечать такие факты. Но как часто еще мы страдаем слепотой! Скажем, разве нет у нас молодых людей, даже комсомольцев, которые относятся равнодушно к своим первым служебным обязанностям? Разве мало случаев, когда они допускают грубость, проявляют неуважение к старшим или совершают другие недостойные поступки? А многие из нас и сейчас продолжают эти стороны жизни, чтобы по-настоящему воспитать молодежь, а не выказывать у нее раздражения своей пригорной слащавостью. Односторонность, которая до последних лет имела место у нас в искусстве и литературе и часто выражалась в стремлении пройти мимо теневого стороны жизни, серьезно помешала художественному отображению действительности.

Говоря все это, я отнюдь не хочу акцентировать внимание лишь на отрицательных сторонах жизни. Я хочу только подчеркнуть необходимость правильного, всестороннего изучения и осмысления ее. Я хочу подчеркнуть вред односторонности. Ясно и бесспорно, что писатель должен изучать и знать действительность, находясь в самой гуще жизни. Но как организовать это изучение, это вторжение в жизнь — вот вопрос, который в последние время вызывает много споров и разговоров. Быть может, в этих спорах следует присоединиться к тем товарищам, которые призывают писателя отправиться в промышленные центры. На крупные стройки, в села? Но достаточным ли будет в наше время для глубокого проникновения в жизнь только постоянное пребывание в одном колхозе или на одном заводе? На мой взгляд, нет.

Общими нитями связаны между собой наши колхозы, совхозы и МТС. Неразрывными узами соединены у нас деревня и город, колхоз и завод. Плодотворная работа научных учреждений немаловажна в отрасли от промышленности, от сельского хозяйства. Нередко можно видеть, как обмениваются мыслями животновод с гор и видный ученый, приехавший из города; более того, иногда приходится быть свидетелем выисывающего у нас телушко улыбку спора между ними.

И вот, допустим, что писатель переехал жить в колхоз, чтобы написать роман из колхозной жизни. Не требует ли права жизни, чтобы одним из персонажей его романа стал тот же самый ученый? Я говорю это, разумеется, не для того, чтобы призвать всех писателей, пишущих о людях колхозной деревни, — давайте обязательно введем фигуру ученого, нет, я только думаю вслух — не будет ли естественным, жизненно правильным такой «сюжет», такой вариант?

Если писатель замкнется в рамках своего села, города, района на много лет, не приведет ли это к сужению его кругозора, к измельчанию его представлений о жизни и, в конце концов, к самому страшному — к одностороннему пониманию людей?

Есть и еще одна сторона дела, о которой никак нельзя забывать. Каждый писатель подходит к жизни, к ее изучению индивидуально, находит свои приемы и свои темы. Неправильным было бы, мне кажется, забывая об этом, говорить писателям: «Ты уезжай в колхоз, а ты отправляйся на завод», точно так же, как нельзя произвольно звать репетит в выборе темы. Куда поехать и какую выбрать тему — это право самого писателя. Но, на мой взгляд, безусловно одно: писатель должен найти «свою» среду, наиболее близкую его замыслам, тому, чем он, писатель, духовно живет.

Неумение замечать драгоценные детали, неповторимые движения и поступки, дающие жизнь произведению, делающие его образным, увлекательным, приводят к обеднению изобразительных средств.

Близкие говорят: «Невидящий даже верблюда не увидит». Тот, кто хочет создавать художественные произведения, не может, не имеет права поверхностно скользить по окружающему взором пассивного созерцателя или всадника, стремительно сачующего на излохоте мимо жизненных явлений. Глаз писателя должен быть зорким, а фантазия — быстрой. Он не имеет права считать, что правильно изображает жизнь, если ясно не видит перед собой своего героя. Если ты пишешь, допустим, о работе комбайнера, ты должен видеть пот, струящийся с его лица, видеть зерно, сплывающее в бункер, чувствовать запах соеи. Ты дол-

жен видеть, как падает солнечный луч на лицо твоего героя, который остановился на минуту, заметив жука с длинными черными усиками, копошащегося в крохотном комке жирной земли. Ты должен увидеть движения человека, услышать сказанные им слова, ты должен угадать его мысли. Да и не только это обязан знать и чувствовать писатель. Его интересует и все, что касается природы, жизни растений и животных, условий их существования. Нечего греха таить: немало бывает случаев, когда не только молодые, а и убежденные сединами почтенные писатели выисвлены выслушивать от ботаников, зоологов или агрономов и зоотехников указания на свои фактические ошибки. Так случилось, например, с романом «Сыр-Дарья» моего большого и уважаемого друга Сабита Муканова.

Неправильное, искаженное изображение в произведении художественной литературы человека или явления природы, машины или предмета домашнего обихода — это по меньшей мере безответственность. Несмотря на это, в нашей практике у некоторых товарищей вошло в привычку весьма легкое отношение к таким «мелочам» жизни. (И умышленно не называю фамилий) — пусть товарищи, о которых идет речь, прозумадуется). Есть писатели, которые вообще не знают до сих пор, что такое «муки творчества». Они, понимая, считают, что нет ничего легче, чем написать книгу. Но только не начал писать, но и не выбрав как следует тему своего произведения, они спешат заключить договор с издательством. Им легче всего дать обещание, что к весне или осени будет представлен в издательство такой-то роман.

С таким отношением сталкиваясь, я, сожаление, и в издательствах и в Союзе писателей: доходит до того, что творческую работу превращают иногда в какую-то кампанию, не понимая, что настоящее, большое произведение нельзя создать по мановению руки. Можно и нужно оперативно писать рассказы, очерки, стихи, публицистические статьи, отвечающие требованиям сегодняшнего дня. Но нельзя требовать этого от всех членов Союза писателей. У каждого свое творческое призвание: один стремится работать над коротким рассказом, очерком, другой пишет многолюдный роман или повесть. А ведь часто есть — и у нас в Грузии — вместо индивидуального подхода предельно и литераторам необоснованные претензии. До сегодняшнего дня нам приходится слышать упреки: «Ты никак не вылезай из аула. Ничего не пишешь на промышленную тему». Или: «Ты совершенно

забыл интеллигентность!». «Ничего не пишешь об угольных шахтах!». «Мало пишешь о хлопководстве!» — можно услышать во Фрунзе от писателей, от профессиональных критиков и многих других авторитетных товарищей.

Такое отношение может заставить писателя, еще не определившего направления своих творческих интересов, шаркаться на одной крайности в другую. Он будет стараться успеть во всем и, чтобы удовлетворить предъявляемым требованиям, начнет скакать по поверхности жизни, создавая художественные, увы, произведения. Пусть таким образом даже будет создан роман или повесть, но подобная книга никогда не увлечет читателя, не возбудит его, не обогатит духовно, наоборот, слобанная наслах тусклости и скучная книга только вредит ему. А мы, вместо того, чтобы указать на недостаток такой книги, иногда спешим сообщить: «написано на важную тему», хотя знаем, что это «творение» будет недогочено.

Конечно, художник слова вправе, если у него хватает сил, создавать произведения разнообразнее и по теме, и по жанру, но охватывать жизненного материала. Такую творческую многосторонность нужно приветствовать. Но не каждый может сделать это, а когда разрабатывается и спешить начинает молодой автор, когда вдруг появляется у него несколько скороспелых «поделок», то это всегда вызывает тревогу за его дальнейшую творческую судьбу. Было бы лучше, по-моему, если бы писатель работал преимущественно над тем, что ему наиболее близко. Человек больше всего знает ту среду, в которой он вырос, ту область жизни, которую он наблюдает с самого детства. Я убежден, что писатель достигает успеха только тогда, когда он, не поддаваясь кампалайским требованиям, выбирает наиболее близкую, хорошо знакомую ему тему и работает упорно и неустанно, «копая ил-лю колодезь».

Ни поэты за «мокрой» литературной краской — гоубой или черной, их первоначальные рецепты — надо ехать туда, сейчас важно писать вот о чем — не должны мешать настоящему писателю делать свое дело. Тщательно отбирая факты, поворачивая их так, чтобы раскрылась главная в их содержании, одушевленный высокой стеей писательский талант должен создавать меркнущие картины, незабываемые характеры и яркие образы.

Писатель, глубоко не выискающий в жизнь, подобен покроводу без войска. Сколько бы он ни издала восторженных криков и сколько бы ни сверкал клянкном, — он не добьется победы.

ПО СУЭЦКОМУ КАНАЛУ

ЗАМЕТКИ ХУДОЖНИКА

В гавани Порт-Саид

А. ТАРАН

Суэцкий канал

Санг. прошли мимо светлого зноя в восточном стиле с голубыми мозаичными куполами. Это — правление компании канала. На пристани нас встречало множество лодок, людей. Выходя с территории порта, мы предъявляли документы — «русские!». Улыбки, приветствия окружающих. Перед четырехэтажным темно-красным зданием толпа людей с любопытством разглядывала, как из дверей дома выносятся и погружаются в автобусы и автомашины тюки, пакеты, связки бумаж. Это какают английская контора «перезарезает» на новую квартиру, — пояснили нам. Толпа перегаривается, молодой парень в просторной клетчатой рубашке сострил, и вся толпа дружно захохотала.

Красивый город с прямыми улицами, зеленым — пальмы и еще какие-то плотные, темно-зеленые кусты, — фонтаны, светлые дома с яркими рекламными, белыми навесами. На перекрестке — двое полицейских. Мальчишка, бежавший всю дорогу за нами, сообщает им, что это русские. Полицейские улыбаются и козыряют нам.

Продукты и вода получены, наше судно ожидает очереди для следования по каналу. Причаливает катер, по трапу поднимаются лодман в белой рубашке, в коротких белых ботках. Тем временем снова спустилась ночь. Электрители установили на носу мощный прожектор. На мачте мы подняли флаг Египта — зеленый с белым полумесяцем и тремя звездами. Одно за другим суда поднимают якоря и направляются в узкий коридор канала. Подходит и наша очередь. Яркий прожектор освещает корму идущего впереди американского парохода.

Незаметно наступило утро. Мы смогли внимательно разглядеть канал. Слева Синайский полуостров, Аравия — Азия. Справа — Африка. Серо-желтый песок, желтые холмы с темными кустами, далекие голубые горы. Иногда увидишь обнесенный колючей проволокой участок, там лежат или стоят светлые односторонние верблюды. На холмике сидут вырисовываются фигуры людей, зонт, плашеты, штативы — геоло-

зисты. Опустив в песок длинный ствол пушки, стоит желтый изуродованный ржавый танк, полузасыпанный песком, на всем — палаше солнце, зной. Так выглядит левый берег канала. Зато правый радует глаз — пальмы, рощи фруктовых деревьев, селения, станция обслуживания канала, автомобили и ярко раскрашенные автобусы бегут по параллельно идущему с каналом шоссе. Паромы, косые паруса рыбачьих лодок — и так до самого озера Тимсах. Красивая зеленато-голубая вода сливается с небом. Рыбаки нас приветствуют, машут руками.

В Большом Горьком озере мы стали на якорь по соседству с другими кораблями. Элегантный, сверкающий краской и стеклом французский лайнер, тяжело нагруженный английский танкер, американский грузовой и еще и еще корабли: голландский, японский, бразильский, греческий. Двухсоткилометровый путь подходит к концу — впереди виден Суэц. Наш лодман довел нас до выхода из канала. Теперь, когда мы исполнили свои служебные обязанности, можно и поговорить. Лодман рассказал, что много лет он был помощником лодмана-английчанина и получал в четыре раза меньше, чем этот англичанин.

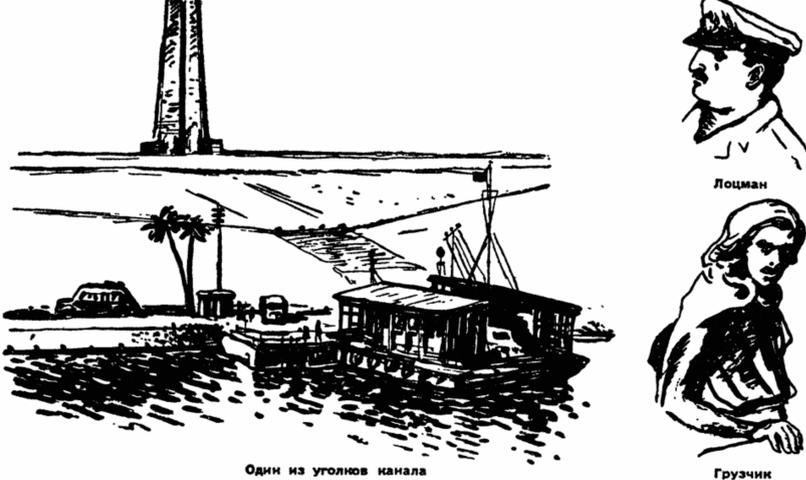
— Зато это года, — сказал египтянин, — я получаю все сто процентов! Мы наезжаем, что недалек тот день, когда весь канал перейдет в наши руки...

Мы попрощались и в качестве сувенира подарили лодману баночку русской икры. «Заморский подарок» пришелся лодману по душе. Он крепко пожал нам руки, спустившись по штурману на свой катер, долго махал рукой нам вслед. Мы вышли в Красное море.

Теперь, два месяца спустя, я вспоминаю слова нашего египетского знакомого и думаю, как быстро сбылась его надежда — правительство Египта национализировало компанию Суэцкого канала. Канал, прорытый египтянами на египетской земле, перешел в руки египетского народа.

Старый египтянин

Один из угольков канала

Лодман

Грузчик

О СИМВОЛАХ И ДИВИДЕНДАХ...

Заявление Советского правительства по вопросу о Суэцком канале с одобрением встречено всеми людьми доброй воли. В нем с предельной ясностью изложена позиция Советского Союза, основанная на уважении национального суверенитета всех стран — больших и малых. Попытки восстановить посредством насилия утраченные привилегии для бывшей компании Суэцкого канала или навязать Египту господство иностранного капитала под другой вывеской «носят явно колониальный характер», — говорится в Заявлении.

Эти колониальные тенденции отчетливо проявляются в эти дни на страницах известной части французской буржуазной печати. Особенно усердствует газета «Фигаро», требуя решительного вмешательства во внутренние дела египетского народа. «В поход собрался», следуя по стопам небезызвестного Мальбрука, и редактор «Фигаро» Пьер Бриссон. Ратуя за применение немедленных санкций по отношению к Египту, Бриссон заявляет, что признание законности действия египетского правительства было бы равносильным капитуляции типа монхенской... Странные слова! Очевидно, воинственный пил, которым сейчас обзят сотрудники «Фигаро», оказал парализующее влияние на их память. Во-первых, ни для кого не секрет, что именно Пьер Бриссон и «Фигаро» в свое время были убежденными защитниками Мюнхена, сторонниками капитуляции перед агрессивными устремлениями Гитлера. Во-вторых, журналисты из «Фигаро», очевидно, забыли, что Суэцкий канал находится не на территории какого-либо иностранного государства, а на территории Египта, что компания Суэцкого канала с начала ее основания, даже по соглашению 1866 года, рассматривалась как египетская компания, являющаяся в соответствии с законами и обычаями Египта, вследствие чего разговоры об аннексии или о «гитлеровских методах» по меньшей мере неуместны.

В самом деле, нельзя давать волю Египту, иронизирует по поводу подобных рассуждений Андерс Вормсер в газете «Коммунист» и язвительно замечает: «А то как бы Франция не задумала аннексировать Клермон-Ферран!»

Читатель, вздумавший раскрыть один из последних номеров «Фигаро», сразу увидит сенсационные заголовки: «Кризис в Египте» и «Насеру сомневаются — Запад лоббирует ценю существующего свободного прохождение судов через канал...»

Спрашивается, для чего же нужны призывы к репрессиям по отношению к египетскому народу, когда все сколько-нибудь объективные наблюдения на месте, в том числе и корреспондент «Фигаро» в номере от 30 июля, признают, что в зоне канала царит полное спокойствие и свобода прохождение судов никак не нарушаются? Ясно, что не о «свободе судоходства» и даже не о «свободе» вообще лепусется те силы во Франции, которые требуют вооруженного вмешательства в дела Египта. Дельцы и финансисты отворачивают свои дивиденды, те огромные сверхприбыли, которые они на протяжении десятилетий беспрепятственно получали за счет эксплуатации Суэцкого канала. Но есть и другая сторона дела. Корреспондент «Фигаро» пишет, что Суэцкий канал является для египетского народа «важнейшим источником государственной казны, источником доходов». Оказывается, источник колониального господства, символ неприкосновенности привилегий колониализаторов. Об этом с остротой и цинизмом говорит на страницах «Монд» Клод Серрель:

«Суэцкий канал, — пишет он, — это нечто совсем другое, чем интересы какой-то анонимной компании и владельцев определенных ценностей. Это символ. Если этот символ рухнет, то плотина будет прорвана... Национализация будет следовать друг за другом. Все нефтяные компании потеряют крах... Это будет последний удар по престижу Запада.»

Любителям символов, материализирующихся в виде колоссальных и устойчивых прибылей, уже не вернуть тех времен, когда можно было беспрепятственно эксплуатировать целые страны и народы. Все громче звучат во Франции трезвые голоса, голоса людей, которые понимают, что интересы Франции ни в какой мере не совпадают с интересами администраторов какой бы то ни было компании.

Эта тема, тысячи раз повторенные прогрессивной французской печатью, принадлежит обзорному газете «Либерасьон» Жан-Морису Эрману. В своих статьях по египетскому вопросу он указывает, что вмешательство во внутренние дела Египта является для опасной авантюрой, которая могла иметь «чрезвычайно серьезные последствия».

С этой точкой зрения согласны все друзья мира во Франции.

С. ТАРХАНОВА

Международная почта

СИСТЕМА «ЗОЛОТА И СЕРЕБРА»

ОСНОВАНА эта система на нехитром принципе. В общем это так же самый (но примененный к иным обстоятельствам) взгляд на вещи, который отчетливо сформулирован в восточной пословице: «Ты оплошавшая нежно мляукающая кошка пусть будет принадлежать тебе, а мне пусть пойдет этот упрямый, лягающийся мул!»

Панама — суверенная республика. За круглым столом международного совещания, вроде недавней панамской конференции, представители Панамы сидят бок о бок с представителями США; считается даже, что те и другие имеют равное право голоса. Но если мы отвлечемся от этой показной стороны, то без труда обнаружим примененную США к Панаме и исправно функционирующую систему «золота и серебра».

В зоне Панамского канала, где властвуют США, она существует, например, в виде «североамериканской и местной шкалы» заработной платы. Что это такое? А вот что. За равный труд панамцы и американцы, работающие в зоне канала, получают равной платы. Панамцы оплачиваются «серебром» (то есть много меньше), американцы — «золотом» (то есть много больше).

Еженедельник «Панама трибюн», сообщая об этой системе и называя ее возмущительной, пишет, что она привнесена еще со времен начала строительства Панамского канала. Еженедельник пишет, что и в продвижении по службе в учреждениях зоны канала панамцы подвергаются дискриминации. О дискриминации, насаждаемой Соединенными Штатами в Панаме, рассказывает чилийский журналист Эрнан Мильяс.

«Канал привел к тому, — пишет он в чилийском журнале «Эрсиаль», — что в Панаме привилегии и хорошие и дурные обычны его обитателей — североамериканцев... В этом году в Панаме санитарные условия стали лучше и население пьет более чистую воду. Но перенесена такая же расовая дискриминация, какая существует в Южных штатах США.»

Э. Мильяс перечисляет: худшие автобусы предназначены для негров; у касс центральных кинотеатров светятся надписи: «Только для белых»; негров избивают. В анкете для работающих в зоне канала применяются три выражения: «белый», «черный», «коричневый». «Белый» относится только к североамериканцу или европейцу; жокею-американца именуют «коричневым».

США любят изображать дело так, будто они оказывают неистощимые благодеяния Панаме. В действительности же страна находится в полуколониальной зависимости от Соединенных Штатов. Американские монополии с превликой выгодой эксплуатируют Панамский канал, а панамский народ голодает. Поскольку эта страна лишена промышленности, — свидетельствует чилийский журналист, — путешественник обнаруживает за пределами городов Панамы и Колон потрясающую нищету. Есть семьи, которые пытаются только каштаными...

Любопытно, что подобные же методы дискриминации египтян, такую же политику «золота и серебра» применяла на другом конце света бывшая компания Суэцкого канала. И, видимо, не зря американская буржуазная пресса увидела в национализации Суэцкого канала прежде всего опасность для США прецедент: а не произойдет ли в один прекрасный день то же самое с Панамским каналом?.. Не хотят империалисты расставаться с миллией ли сердцу системой «золота и серебра»!

ЦЕНА ЖИЗНИ

ЖИЗНЬ человеческая в разные времена оценивалась по-разному. Убийство раба в древности не считалось преступлением. Отвратительную торговлю человеческими жизнями клеймили великий американский писатель Вениамин Франклин: в памфлете «Продажа гессенцев» он едко высмеивал немецких феодальных князей, которые торговали крепостными солдатами, получая «по тридцать тиней за человека».

Хотелось бы думать, что все это давно стало достоянием учебников истории. Но нет. И ныне существует такса, по которой расценивается жизнь человека. В Южно-Африканском Союзе по судному прецеденту она стоит... 75 фунтов стерлингов. Об этом с горечью рассказывает газета «Нью Эйдж», опубликовавшая два снимка: на одном из них изображен мертвый африканский мальчик, на другом — его родители, сраженные горем. «75 фунтов, — мой сын мертв», — так озаглавила газета беседу своего корреспондента с отцом пятнадцатилетнего Омара Арена, застреленного в полицейском участке Вулстон в Кейптауне.

Что же произошло? Однажды утром в дом Арена пришел полицейский. Затем — еще один. Они спросили, где Омар. На распросы перепуганной матери полицейские ничего не ответили, и только от соседки она узнала, что сына подозревают в соучастии в краже. Вскоре его забрали в полицию, а через некоторое время родители получили личное извещение: «Ваш сын застрелен. Завтра в половине девятого утра вы можете забрать его тело из морга...»

Весте о трагической гибели подростка возмущала весь Кейптаун. Люди выражали сочувствие этой семье. Состоялся суд. Судья Томпсон, объяснив убийство «небрежностью», ибо «во все было необходимо держать наготове оружие», нашел, что проступок полицейского «серьезен и наказание не может быть легким», и... оштрафовал убитый на 75 фунтов стерлингов! Правда, суд предоставил полицейскому выбор: либо штраф, либо три месяца тюремного заключения...

Другими словами, расисты могут применять огнестрельное оружие, не рискуя ничем, кроме штрафа в 75 фунтов стерлингов. Такова ныне цена жизни в Южно-Африканском Союзе.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Г. ГУЛИН, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, К. ПАУСТОВСКИЙ, И. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

Английские рабочие бастуют

Свыше двух недель бастуют рабочие крупнейших автомобильных заводов «Бритиш мотор корпорейшн». Рабочие прекратили работу в знак протеста против увольнения 6 тысяч рабочих на предприятиях компании в Оксфорде, Бирмингеме, Ковентри и Лланелли.

Солидарность и решимость рабочих велики. Главные бои разгорелись у ворот завода «Донбридж», крупного предприятия «Бритиш мотор корпорейшн» в Бирмингеме. «Витва у ворот» — так были названы события первых нескольких дней забастовки.

Забастовка разгорелась не сразу. Часть рабочих продолжала выходить на работу. В Бирмингеме, Ковентри и Оксфорде прекратили работу 30 тысяч человек из 50 тысяч, работавших на заводах. Буржуазные газеты называли это «полузаставкой» и предрекали ее неудачу. Но события развивались быстрым темпом. Вот как обстояло дело.

Назавтра после начала забастовки у ворот появились пикеты, прибыла полиция. И вот с территории завода начали выходить рабочие. Сначала они шли парами и тройками, но затем повалили сотнями. Закаленные в боях старые рабочие говорили, что никогда еще им не приходилось слышать столько возгласов одобрения, как в момент, когда рабочие, стоявшие перед воротами, приветствовали своих товарищей, бросивших работу. Женщины, поначалу тяжелые на подъем, оказались в числе самых боевых. «Мы были там, а теперь вышли оттуда, и мы выстоим!» — гласил плакат, который несла одна работница. В последующие дни эти женщины несли и другие плакаты, обращенные к немногим мужчинам, оставшимся на заводе. «Мужчины вы или мыши?», — было начертано на плакатах.

Полицейские пытались пробить себе путь через пикетчиков, стоявших в четыре шеренги у ворот завода. Завязалось столкновение. Полиция все-таки удалось сделать узкий проход для тех, кто еще работал на заводе. И вот горстка мужчин и женщин с краской стыла на лице пробиралась сквозь насмешливую толпу своих товарищей. «Эй, давай сюда!» — слышались призывы забастовщиков, узнающих штрейбрехеров. «Приди к нам, Чарли, приди к нам, Билли!». К женщинам они обращаются с шутками: «Завтра не являйся сюда, лурочка! Побудь-ка дома, в постельке. Отдохни как следует!». Какой-то пикетчик останавливает штрейбрехера и вступает с ним в спор. Другой кричит: «Тебе придется достать мебельный фурун, чтобы вывезти его с завода. Он и кровать свою на завод перетащил!».

Появляются грузовики с материалами для завода. Рабочие вместе с работниками профсоюза транспортными и некалфицированными рабочими окружают первую машину. Завязывается разговор с водителем. В это время заводская полиция начинает избивать рабочих и служащих. Вмешиваются также городские полицейские, и столкновение становится более ожесточенным. Под громовые крики одобрения грузовик дает задний ход. Другому удается наполовину въехать в во-

рота, но группа рабочих наваливается грудью на радиатор и не дает машине продвигаться дальше. Полицейские пробуют оттащить рабочих от радиатора, но это им не удается. Проезд невозможен. Водитель выходит из кабины. Полицейские безуспешно пытаются откатить машину. Наконец, под насмешливые крики шофер снова садится за руль, включает задний ход, и грузовик выезжает за пределы ворот. Одержана еще одна победа! Появляется третий грузовик. Та же попытка. Рабочие гурьбой устремляются на радиатор, упираются руками в кузов. Полицейские пускают в ход кулаки. Двум за дюйм машина продвигается вперед и въезжает в ворота. Это уже поражение. Но несколько других машин поворачивает обратно. Разозленные конные полицейские направляют своих лошадей прямо в гущу толпы...

У ворот завода «Остин» в Бирмингеме (Англия). Пикет бастующих рабочих завода не пропускает грузовик, изготовленный на их предприятии. Снимок из английской газеты «Дейли воркер»

По шоссе, тянущемуся вдоль ваюла, идут новые грузовики. Некоторые водители, поговорив с пикетчиками, поворачивают обратно. Другие пытаются проехать. Рабочие прибегают к новой тактике: они поднимают капоты моторов и, свинтив ту или иную деталь, временно выводят двигатель из строя. После этого пикетским приходится откатывать машины. Так проходит несколько часов, и грузовики перестают подъезжать к заводу. «Витва у ворот» выиграна, по крайней мере в этот день. Завтра борьба возобновляется. Тактика рабочих обогатилась еще одним приемом: по несколько человек они усаживают или даже укладывают на дороге перед едущим грузовиком. Стоят полиция поднимая их на ноги, как на их место на мостовую салятся гораздо большее число людей.

Профсоюзы всей страны поддерживают забастовщиков деньгами. Теперь их поддержка приняла еще более существенный характер. Материалы, предназначенные для снабжения предприятий «Бритиш мотор корпорейшн», объявлены «черными». Водители, входящие в состав профсоюза транспортных и некалфицированных рабочих, дано указание не перевозить грузы на эти предприятия. Члены Национального профсоюза железнодорожников отказываются прикасаться к любым грузам, идущим с заводов компании или предназначенным для них. Так же поступают докеры в крупных портах. Члены объединенного союза машиностроителей, насчитывающего 900 тысяч человек, отказываются выполнять какие бы то ни было заказы для «Бритиш мотор корпорейшн».

Забастовка продолжается и надо думать, окончится победой рабочих. Уже сейчас мужественная борьба бастующих служит замечательным примером солидарности трудящихся Англии.

Филипп БОЛСОВЕР, английский журналист ЛОНДОН, 10 августа. (По телеграфу)

Развертывающаяся в США предвыборная борьба дает пищу американским карикатуристам. Помощая ниже карикатура высмеивает методы, к которым обычно прибегают кандидаты, стремясь завоевать симпатии избирателей.

— С какой стати я буду целовать собаку? И еще выпрос, чтобы голосовали! Рисунок из американской газеты «Нью-Йорк геральд трибюн».

ПОД ВЫСОКИМ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМ

В ПРОТОКОЛАХ судебного процесса над фашистскими врачами, состоявшегося несколько лет назад в Нюрнберге, можно найти немало данных о злодеяниях, совершенных в медицине Гертой Оберхойзер. Она орудовала в качестве «главного врача» в гитлеровском концлагере Равенсбрюк. Числилась она там ассистенткой более крупной персоны — эсэсовского оберштурмфюрера Фишера. По его указанию она производила варварские «научные опыты» над заключенными Равенсбрюка, врач Софья Мапка показала на суде, что Оберхойзер делала на теле своих жертв глубокие, иногда до самой кости надрезы, набивала раны осколками стекла, землей, веществами, находившимися в стадии гниения. После этих чудовищных экспериментов женщины умирала в страшных мучениях.

Герта Оберхойзер жила. Приговоренная к двадцати годам тюрьмы, она пробывала за решеткой менее шести лет и была выпущена американскими властями на свободу. При этом ни американские, ни западногерманские власти не лишили ее права заниматься врачебной деятельностью. Фашистская преступница вскоре была принята на работу в одну из больниц города Плён.

Остается рассказать о следующем факте. Некая Беттина Эвербек выпустила в ФРГ книгу «Глазья гитлеровца», посвященную «докторше» Гертле, которая совершила такие же злодеяния, как и Герта Оберхойзер, в концлагере Брокенберг. Невольно напрашивается вопрос: о ком в ФРГ лепусется, кого популяризируют, кого поощряют и с какой целью?

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ДЖУНГЛИ

НОВАЯ эпидемия зарегистрирована в Соединенных Штатах. Заболелые называются «рок-н-ролл». Человек вдруг начинает извиваться, как змея, конвульсии охватывают все тело, притопывая, он судорожно размахивает руками... Против «рок-н-ролла» бесстрашные уклады и пилоты. Да, собственно говоря, медицина здесь и ни при чем. «Рок-н-ролл» — последняя новинка американского джаза.

Для музыки этот «рок-н-ролл» — как если бы в восковую тишину на полном газу ввалилась колонна мотоциклов». И, чтобы ни в кого не оставалось сомнений в правдоподобии этого сравнения, журнал дает красочную характеристику музыкальной новинки: «Характерные синкопы, подобные удару хлыста; холерический, призывный вой саксофона; электрическая гитара, включенная на такую громкость, что звуки как бы все сотрясают и разбивают вдребезги; вокальная группа, неистово солирующая в такт барабану и поющая полубессмысленные фразы...».

Какофония эта в последнее время все настойчивее расплывается с патефонных пластинок, огулашет по радио, захлестывает подмоксти американских мюзик-холлов... Впрочем, журналу «Таймс» кажется, что танцевальная мелодия «рок-н-ролла» наиболее соответствует ритму жизнедеятельности человеческого организма.

Некоторые посетители рваю, в которых «рок-н-ролл» после представления и впрямь демонстрирует жизнередастность... Газеты пестрят сообщениями, в Миннеаполисе зарекаются «рок-н-ролла» молодые люди начали бить стекла на улицах. В Атланта в ход были пущены кулаки и пистолеты, четыре человека арестовано. Есть раненые в Вашингтоне — причина все та же: «рок-н-ролл».

Эта «сила искусства», вызывающая столь своеобразную «жизнередастность», не на шутку встревожила американскую полицию. Именно полицейскому принадлежит наиболее краткая и точная рецензия о новом «музыкальном стиле». Промышленные выступления Элиаса Пресли, полицейский из Окленда заявил: «Если бы он делал то же самое на улице, мы бы его арестовали».